

Концептуальные модели библиотеки

Conceptual Models of Libraries

Концептуальні моделі бібліотеки

Гениева Е. Ю.

*Всероссийская государственная библиотека
иностранной литературы им. М.И.Рудомино, Москва, Россия*

Ekaterina Genieva

M. I. Rudomino All-Russian State Library for Foreign Literature, Moscow, Russia

Генієва К. Ю.

*Всеросійська державна бібліотека
іноземної літератури ім. М. І. Рудоміно, Москва, Росія*

Доклад посвящен анализу концептуальных моделей библиотеки в современном отечественном библиотековедении. Автор рассматривает теории Ю. Н. Столярова, В. В. Скворцова и В. П. Леонова с точки зрения объекта, предмета и методологии исследования, отмечая, что объект исследования имеет онтологический статус, а предмет и методология зависят от исследователя. Методология может носить как имманентный, так и объяснительный характер. Концепция Ю. Н. Столярова относится к имманентному типу и выявляет существенные свойства библиотеки «вообще», привлекая в качестве методологии системный подход. Теории В. В. Скворцова и В. П. Леонова строятся как каузально-генетическое объяснение свойств библиотеки с точки зрения информационной и познавательной парадигмы. В первом случае в качестве методологии используется деятельностный подход, а во втором – герменевтический. В заключении делается вывод о возможности исследования библиотеки любыми методами, если они не искажают объект исследования и обладают достаточной объяснительной силой.

The author analyzes the conceptual models of libraries in modern Russian library science and reviews the theories introduced by Y. Stolyarov, V. Skvortsov and V. Leonov. The theoretical concepts are reviewed from the viewpoint of subject, object, and methodology of research, with pointing that research subject is of the ontological status, while object and methodology depend on a scholar. Methodology may be both immanent and explanatory. Yu.Stolyarov's concept attributes to the immanent type, reveals essential features of libraries «in general» and engages the systems approach as a methodology. V. Skvortsov's and V. Leonov's theories are formulated as genetic causal explanation of libraries' features from the viewpoint of information and cognitive paradigms. The former concept engages the activity-based approach, while the latter two – the hermeneutic one. The author concludes on the permissibility of any methods of studying libraries, which do not disfigure the subject of research and are of sufficient explanatory power.

Доповідь присвячено аналізу концептуальних моделей бібліотеки у сучасному вітчизняному бібліотекознавстві. Авторка розглядає теорії Ю.М. Столярова, В.В. Скворцова і В.П. Леонова з точки зору об'єкту, предмету та методології дослідження, з наголосом на тому, що об'єкт дослідження має онтологічний статус, а предмет методології залежить від дослідника. Методологія може мати як іманентний, так і пояснювальний характер. Концепція Ю.М. Столярова належить до іманентного типу і виокремлює сутнісні властивості бібліотеки «загалом», послуговуючись системним підходом як методологією. Теорії В.В. Скворцова і В.П. Леонова вибудовуються як каузально-генетичне тлумачення властивостей бібліотеки з точки зору інформаційної та пізнавальної парадигми. У першому випадку як методологія використовується діяльнісний підхід, а в другому – герменевтичний. Наприкінці наводиться висновок про можливість дослідження бібліотеки будь-якими методами, якщо вони не спотворюють об'єкт дослідження та володіють достатньою пояснювальною силою.

В отечественном библиотековедении разработано большое количество теорий, посвященных библиотеке, которые, как нам кажется, можно свести к нескольким концептуальным моделям.

Любая концептуальная модель должна сформировать собственные *объект исследования* (выделить то явление, которое исследуется), *предмет исследования* (те свойства объекта, которые исследуются), *методологию и методы исследования* (объяснительные принципы, лежащие в

основе интерпретации, и формируемый на их основе категориальный язык, а также те способы и приемы объяснения, которые при этом используются).

Все анализируемые ниже концептуальные модели объединяет один и тот же объект – библиотека. Характерной особенностью объекта исследования является то, что он имеет онтологический статус, т.е. существует независимо от исследования и может существовать вообще без исследования. К примеру, библиотека была и в Античности, и в Средние века, и в Новое время независимо от того, имела ли наука, изучающая ее свойства.

Расхождения между различными теориями начинаются в тот момент, когда библиотека превращается в понятие, когда ей дают определения. Так, разные исследователи называют библиотекой: «собрание книг, составленное по известной системе, рассортированное и размещенное в определенном порядке и предназначенное для целей просвещения» (Л. Б. Хавкина), «культурно-просветительное учреждение» (О. С. Чубарьян), «информационная система, предоставляющая в распоряжение общества сконцентрированные в ней информационные ресурсы» (В. В. Скворцов), «педагогическая система» (В. И. Терешин), «метатекст» (В. П. Леонов), «социальный институт» (Р. С. Мотульский) и т.п.

Расхождения в определениях связаны с тем, что каждый исследователь находит в изучаемом объекте разные свойства, которые выделяет в качестве *предмета* своего исследования. Видеть в объекте исследования разные свойства – это естественный способ его познания с разных сторон и разными способами. С теоретической же точки зрения, это говорит лишь о том, что при наличии одного и того же объекта может существовать бесконечное множество концепций, разделяющихся по предмету исследования.

Предмет исследования тесно связано с *методологией*. Строго говоря, исследователь не может выделить и охарактеризовать свойства объекта до тех пор, пока не найдет ту точку опоры, которая даст ему возможность «перевернуть мир». Роль такой точки опоры в науке и играет методология. «Методология (цели и принципы исследования) выделяет и формирует предмет <...>; в этом смысле можно сказать, что методология «создает» свой предмет. В свою очередь, выделение предмета ведет к формированию и осознанию ученым задач и способов изучения предстоящего ему объекта, т.е. исследовательской методологии. Иными словами, методология познания и его предмет взаимно предполагают и взаимно формируют друг друга» (1).

Формировать предмет исследования методологии позволяет то, что она представляет собой систему взаимосвязанных понятий и терминов, «значение которых выводится лишь из контекста данной теории» (2). Различные методологические подходы формируют особые терминологические языки, с помощью которых по-разному интерпретируют исследуемый объект. Языки теорий различаются между собой почти также как языки естественные, поскольку и те и другие по-разному членят объект исследования, выделяют в нем различные элементы и связывающие эти элементы отношения. При этом они несут на себе отпечаток той методологии, терминологический аппарат которой используют. Это могут быть как общефилософские методологические языки, так и терминологические языки отдельных дисциплин. Так, теория, рассматривающая библиотеку как «социальный институт», неизбежно будет оперировать такими понятиями как «социальные роли», «регуляторы общественных отношений», заимствуя их у социологии, а теория библиотеки как «информационной системы» будет использовать понятия «информация», «знание», применяемые в теории коммуникаций и в информатике.

В отличие от объекта исследования, который существует независимо от исследователя и имеет онтологический статус, предмет и методология исследования имеют статус гносеологический и зависят от исследователя напрямую. Сам же исследователь существует в определенном (историческом, социальном, культурном, мировоззренческом) контексте, который оказывает влияние на создаваемые им теории.

Выявив соотношение таких понятий как объект, предмет и методология исследования, и объяснив их статусную природу, попытаемся ввести еще одно разграничение, чтобы свести все многообразие существующих концептуальных моделей библиотеки к ограниченному количеству типов.

Любой объект может быть рассмотрен либо изолированно (сам по себе), либо в контексте чего-то, что ему внеположно. С этой точки зрения все многообразие подходов к библиотеке на уровне выделения предмета и методологии можно свести к двум типам: *имманентному* и *объяснительному*. При первом подходе мы станем изучать библиотеку, не выходя за ее пределы, в ее собственной

данности, определяя выделяемые свойства как сущностные и вневременные (обнаруживаемые во всех исторически-изменяемых формах объекта). При втором подходе мы станем изучать ее каузально-генетически, как одно из воплощений внешней, предстоящей библиотеке действительности, когда предметом рассмотрения станут свойства библиотеки, зависящие от внешней среды, в которой она существует.

Имманентный подход к библиотеке в российской науке формировался на протяжении всего 20 века, отдельные его элементы можно обнаружить в работах Л. Б. Хавкиной, А. В. Кленова, Ю. В. Григорьева, О. П. Коршунова и других библиотековедов, однако методологическую стройность этому подходу, несомненно, придал Ю. Н. Столяров (3). Всевозможные «двух», «трех» и «многочленные» модели библиотеки, о которых велись споры между библиотековедами на протяжении нескольких десятилетий, постепенно подводили к представлению, что библиотека может быть осмыслена как соотношение нескольких сущностных элементов. В этом плане основное достоинство концепции Ю. Н. Столяров состоит в том, что системный подход он сделал методологическим принципом своей теории, т.е. рассмотрел библиотеку как систему, обладающую некоторой вневременной, абстрактной и универсальной структурой, в которой он выделил различные части (элементы) и описал способы их взаимодействия. В теории Ю. Н. Столярова элементами библиотеки являются: 1) документ; 2) абонент; 3) библиотекарь; 4) материально-техническая база.

Наличие вышеописанных четырех элементов еще не составляет библиотеку, мы можем встретиться с ними и в музее, и в архиве. Чем же эти учреждения друг от друга отличаются? Тем, что общие для всех них элементы в каждом из этих институтов связаны между собой *особыми функциональными связями*. Документ (экспонат и т.п.), к примеру, должен быть связан со всеми прочими элементами: с музейным работником, библиотекарем или архивистом, которые его обрабатывают, хранят и предоставляют пользователю (во всех трех типах учреждений эта связь примерно одинакова). Документ должен быть связан также и с его пользователем. Этот вид связи различен для музея и библиотеки: в первом мы имеем дело с экспозицией, через которую осуществляется доступ к музейному объекту; в библиотеке же и архиве документ предоставляется через систему выдачи из хранения в зал (а в библиотеке в отличие от архива – еще и на дом, по системе электронной доставки или по абонементу). Существенна и связь документа с материально-технической базой: в библиотеке и архиве – через электронный или бумажный каталог, традиционное или механизированное хранилище (полки, шкафы, доставочные лифты и т.п.); в музее – через систему стационарных и мобильных экспозиций и запасников.

Таким образом, структура библиотеки на функциональном уровне – это *уникальная для данной системы* совокупность связей ее элементов, где каждый «играет свою собственную, качественно обособленную, но в целом равноправную роль, без которой функционирование системы было бы невозможно» (4).

Как мы уже упоминали, абстрактный функциональный уровень можно рассматривать еще и как аисторический срез библиотеки, такой, где она предстает в своей неизменной сущности, которая не зависит ни от времени, ни от географии. В этом смысле можно говорить о том, что абстрактная сущность средневековой и современной библиотеки – одна и та же: наличие документов, предназначенного для их хранения помещения, пользователей, библиотекарей и отношений между ними.

Однако в силу принципиальной абстрактности и вневременности у всякой имманентной модели, в том числе и у модели Ю. Н. Столярова, есть свои ограничения.

Во-первых, стремясь к универсальности, т.е. ставя перед собой задачу выявить *все* сущностные элементы изучаемого объекта и связи между ними, имеющиеся в *любой* типах библиотек, имманентная теория все время вынуждена корректировать свой предмет за счет освоения и вписывания в свою схему новых видовых различий, связанных с эволюцией библиотек. В некоторых случаях жесткая схема может становиться прокрустовым ложем, в которое загоняется тот или иной тип библиотек. В связи с этим теория Ю. Н. Столярова предусматривает некоторое формальное расширение исходной конструкции. Роль такого расширения играет разделение элементов и функций на сущностные (родовые, системообразующие) и несущностные (производные, комплиментарные, преходящие), что делает «каркас» системы более гибким, сохраняя принцип универсальности. Однако это грозит тем, что вновь обнаруженные элементы зачастую получают статус «комплиментарных», несмотря на то, что они могут играть существенную роль в библиотеках определенного

типа и, быть может, символизируют своим появлением новые тенденции развития библиотек в будущем. Именно этот момент теории Ю. Н. Столярова наиболее часто подвергается критике со стороны других библиотековедов. Так, согласно Я. Л. Шрайбергу и А. И. Земскову, обстоит дело с электронными библиотеками, новые свойства которых не вполне вписываются в четырехэлементную базовую схему, что, по мнению этих исследователей, создает предпосылки для «пересмотра существующих концепций традиционного отечественного библиотековедения» (5) и – прежде всего – имманентной схемы элементов Ю. Н. Столярова.

Во-вторых, имманентная теория последовательно выводит *за рамки* своего рассмотрения, все те элементы и функции библиотеки, которые напрямую не вытекают из четырехэлементной схемы: «Библиотека – жесткая система: включение или исключение хотя бы одного элемента, нарушение установившихся связей означало бы превращение ее в качественно другую систему» (6). Задавая рамки системного исследования библиотеки, Ю. Н. Столяров использует понятие внутренних и внешних связей. «Обязательными для всякой структуры являются внутренние связи, т.е. связи между элементами объекта». Конечно, объект имеет и внешние связи, но при структурном его рассмотрении «обычно об этом не говорят» (7). Даже такой элемент библиотеки как фонд, по мнению Ю. Н. Столярова, имея социальную функцию, выполняет ее не в рамках данной системы, а за ее пределами: «За пределами библиотеки, т.е. во внешней среде, фонд выполняет кумулятивную, мемориальную функцию, поскольку в нем собираются и сохраняются необходимые обществу документы» (8). Такое понимание системных особенностей существенно сужает сферу применения имманентной схемы, поскольку очень многие виды деятельности библиотеки обусловлены потребностями внешнего социума.

Одним словом, как и всякая имманентная теория, описывающая абстрактную идеальную сущность объекта, концепция Ю. Н. Столярова выявляет в библиотеке некую инвариантную схему соотношения элементов, не наполненную никаким конкретным (привнесенным извне системы) содержанием. Эта схема принципиально свободна от любого аксиологического, исторического, и т.п. смысла, она не спрашивает, отчего и почему возникают те или иные связи между элементами системы. Она лишь констатирует наличие элементов и связей и устанавливает универсальные для всех типов библиотек законы их сопряжения друг с другом.

Подчеркнем, что структурно-функциональная, формально-логическая модель библиотеки, разработанная Ю. Н. Столяровым, выстроена крайне корректно, методологически последовательно во всех своих частях и оттого имеет немалую объяснительную силу, с которой на данный момент не может соперничать ни одна другая отечественная концепция библиотеки, претендующая на анализ ее абстрактной сущности.

Однако наряду с общетеоретическими *имманентными* теориями наука допускает наличие и *объяснительных* теорий. Их необходимость возникает оттого, что будучи объектом, имеющим социальную природу, библиотека не существует вне общекультурного, социального контекста, а потому в ней неизбежно обнаруживаются такие свойства, которые могут быть объяснены только извне, с точки зрения общих закономерностей развития внеположной библиотеке реальности.

На протяжении десятилетий российское библиотековедение не переставало создавать всевозможные объяснительные концепции библиотеки. К ним, в частности, относятся: библиопсихологическая (Н. А. Рубакин), информационная (В. В. Скворцов, В. П. Полянов), коммуникационная (А. В. Соколов), «понимающая» (В. П. Леонов, Л. Н. Гусева, Т. Н. Данченко, Е. В. Смолина), культурологическая (А. Н. Ванеев, В. Р. Фирсов, О. Л. Кабачек), а также многочисленные институциональные модели библиотеки (библиотека как образовательный институт, библиотека как социальный институт).

В качестве примера объяснительной концепции рассмотрим *информационную теорию* В. В. Скворцова. Несмотря на то что автором она позиционируется как универсальная для библиотековедения в целом, она, на наш взгляд, относится именно к объяснительному типу, что подтверждается выбором как предмета, так и методологии исследования. В самом деле, предметом исследования В. В. Скворцова является не библиотека как таковая, а иллюстрация на примере библиотеки развития современной «информационной парадигмы»: «Библиотека накрепко «привязана» к информационной области общественного бытия» (9), поэтому «информационная концепция исходит из того, что <...> центральное место в функционировании библиотеки принадлежит не документу вообще, <...> а именно информации. Вопрос о сущности библиотеки должен решаться с

учетом реалий глобального процесса (курсив наш.– Е.Г.), получившего емкое название «информатизации общества» (10).

Методологией, помогающей выработать объяснительные принципы информационной теории В. В. Скворцова, является системно-деятельностный подход: «ведь работа библиотеки представляет собой одну из типичных форм человеческой деятельности» (11). Отсюда в библиотеке можно выделить три основополагающих элемента любой деятельности: 1) предмет труда, 2) субъект труда, 3) посредник труда. При этом предметом труда в библиотеке оказывается не что иное, как информация (понимаемая как публикация, которая является предметом индивидуального потребления), субъектом труда – читатель (потребитель информации), а за библиотекарем закреплена роль посредника труда, «который создавал бы оптимальные условия успешного соединения человека с информацией, предпосылки эффективного введения информации в действие» (12). Роль этого посредника существенна лишь постольку, поскольку «многие интеллектуальные операции, осуществляемые им, в большинстве случаев пока не могут быть выполнены машиной» (13). Отсюда делается вывод, что в недалеком времени поступательное развитие «человеко-информационного взаимодействия» приведет к тому, что любая библиотека превратится в «информационное учреждение, которое по мере распространения новейших технических средств обработки информации» станет «библиотекой автоматизированной, предлагающей свои услуги в сетевом режиме» (14).

Как мы видим, главными элементами информационной теории являются члены триады «Информация – Пользователь – Библиотекарь», а базовым элементом в этой системе служит информация. Четвертый же элемент библиотеки – материально-техническая база, который являлся системообразующим в теории Ю. Н. Столярова, – исчезает, а точнее, перераспределяется: оцифрованные фонды выносятся за рамки конкретной библиотеки, на внешние сервера, часть же свойств материально-технической базы передается получеловеку-полуроботу – библиотекарю, функции которого все более тесно сливаются с функциями искусственного интеллекта, той же поисковой машины, осуществляющей помимо прочего и автоматизированное индексирование и реферирование документов.

С нашей точки зрения, информационная теория, безусловно, приемлема для иллюстрации одного из возможных путей развития современной библиотеки, однако же не любой, а лишь библиотеки автоматизированного типа, функции которой постепенно сращиваются с функцией центра НТИ, цифрового архива или информационного портала. Эта концепция, в частности, не объясняет, почему в последнее время в большинстве западных и отечественных публичных библиотек усиливаются образовательные, социализирующие, досуговые, культуртрегерские и иные функции, требующие присутствия человека, а не наличия машинного интеллекта.

Сокращает объяснительные возможности информационной концепции В. В. Скворцова и узко понимаемый деятельностный подход, сводимый к одному лишь процессу труда как одной из форм человеческой жизнедеятельности. Такая трактовка деятельности легла в основу сциентистско-технократической теории постиндустриального общества, обоснованной Д. Беллом (15) и А. Тоффлером (16) и сводящей прогресс к развитию информационной техники, призванной решить все проблемы. В современной социологии деятельностный подход трактуется гораздо шире: помимо *рациональных компонентов* целеполагания он содержит *ценностные установки и аффективные ориентации*, что дает возможность понимать деятельность как активный процесс конструирования единого гуманитарного пространства («жизненного мира»), состоящего из множества соприкасающихся культурных миров. Такое понимание деятельности открыло бы перед нами совсем иные горизонты, нежели те, что предлагает информационная теория В. В. Скворцова.

Как еще один пример объяснительной теории, проанализируем одну из последних работ В. П. Леонова, озаглавленную «Пространство библиотеки» (17).

В. П. Леонов дает такое определение библиотеки: «В широком смысле библиотека есть некоторое пространство, включающее в себя собрание всех текстов, написанных человечеством в ходе его исторического развития (метатекст)» (18). При этом он поясняет: «Гермин «метатекст» я понимаю, традиционно, как текст о тексте. Следовательно, библиотека есть текст вторичный, через который обеспечивается доступ к текстам первичным» (19).

Формализуя это определение, можно понять, что библиотека состоит, как минимум, из трех элементов: 1) первичных текстов, созданных всем человечеством; 2) читателя, который испытывает потребность в первичных текстах, и 3) библиотекаря – того, кто формирует «тексты о тексте»

(собственно создает саму библиотеку), благодаря чему первичный текст становится доступен читателю. По какому же принципу связаны эти элементы? По мнению В. П. Леонова таким универсальным принципом является «понимание».

Первичные тексты, это не документы (понятие, которым привыкли оперировать библиотекведы), это сгустки культурных смыслов, образующие автономный, не зависимый от конкретных людей «мир знаний». Первичные тексты содержат в себе бесконечное число интерпретаций (объективное знание), однако находятся в латентном состоянии до тех пор, пока на них не обратит взор живое существо – человек, «захотевший» их. Количество первичных текстов в мире огромно, так что «личность не в состоянии усвоить все то, что ей необходимо» (20) без посторонней помощи. Библиотека, которая структурирована таким образом, чтобы выявить культурный смысл каждого текста, во-первых, дает читателю «надежду на его разыскание», а во-вторых, создает атмосферу, включающую человека в «процесс интерпретации».

Таким образом, основной тип связи, это связь первичного текста и его интерпретанта – библиотекаря. Второй тип связи – связь текста и читателя, которая опосредована «метатекстом» – библиотекой. Библиотека как бы стоит между первичным текстом и читателем, она – та дверь, через которую читатель допущен к тексту. Или, скорее, – та матрица, через которую видны основные свойства первичного текста, что позволяет читателю выбрать его из множества других и соединиться с ним в процессе чтения-познания. Поэтому так важен для В. П. Леонова сам вид, тип этой матрицы, создание которой и составляет основной смысл работы библиотеки.

Способ структуризации библиотеки, т.е. принцип, определяющий ее устройство, В. П. Леонов называет *синтаксисом* библиотеки. В идеале синтаксис организует библиотеку таким способом, чтобы ее физическая структура соответствовала структуре организации мысли. С этой идеей, в частности, сочетается известная мысль Н. А. Рубакина о построении энциклопедической библиотеки, которая «развернет перед читателем не только систему наук, и не только покажет самим расположением отделов в каталоге, их связь и соотношение, – она развернет практическую возможность для каждого читателя по любой науке идти вперед и вверх, с любой ступени лестницы, куда угодно самому читателю» (21).

Метод, с помощью которого строится библиотека – это не метод создания механической схемы, диктуемой предназначенными, заранее известными способами, это метод «интуитивного озарения», которым руководствуется библиотекарь. Интуитивное озарение («серендипность») – «в психологии означает человеческую способность путем озарения (инсайта) найти решение не очень ясной проблемы не известными заранее средствами» (22), – поясняет В. П. Леонов. Подобным методом располагает не точная наука, а искусство (музыка, поэзия), поэтому работа библиотекаря сродни творчеству. В такой постановке вопроса прослеживается влияние постпозитивизма, который заострил внимание на том, что человеческое знание имеет два уровня. Первый – это объективное, деперсонифицированное знание, отрефлексированное (т.е. выраженное в понятиях и суждениях), содержащееся в уже оформленных текстах, а второй уровень – это «неявное знание», «неартикулированный и не поддающийся полной рефлексии слой человеческого знания-умения» (23).

Библиотека имеет и свои границы, но они, по мнению В. П. Леонова, не совпадают с границами ее физического пространства. Скорее следует говорить о том, что она одновременно ограничена (рамками месторасположения, сложившейся структурой конкретной организации), и в то же время беспредельна: «Библиотека не имеет границ как собрание памяти человечества, хранилище накопленных знаний, постоянный рост которых есть объективная реальность. В библиотеке устанавливаются связи между текстами-знаниями, между миром библиотекарей и миром читателей. Поэтому библиотека безгранична и ее искусство состоит в том, чтобы, не переходя внешних и внутренних границ, сохранить себя как пространство, обеспечивающее сохранение знания «без субъекта знания» (24).

В. П. Леонов убежден, что 20 век покончил со старой формой библиотеки, вернее с нашим традиционным, сугубо рациональным подходом к ней, «узким» пониманием библиотеки и ее роли в обществе» (25). Нельзя точно сказать, какой будет библиотека будущего, есть несколько вариантов ее развития.

Первый путь, указанный еще Г. Уэллсом, – это учреждение «Мирового мозга», такой организации, которая занималась бы созданием всемирной энциклопедии, в которой производились бы сбор, индексирование, синтезирование и передача знаний. Собранные таким образом знания

«помогут просвещенным людям стать «гражданами мира» и обеспечат «фундамент» для «всеобщего понимания», необходимого, чтобы сплотить «мировое сообщество» (26).

Второй вариант, подсказанный работами Х. Л. Борхеса, – это создание своеобразной Вавилонской библиотеки, в которой содержались бы «абсолютно все книги – не только уже написанные, но и каждая страница и каждый том из тех, что еще предстоит написать, и даже – это, пожалуй, самое важное – из тех, что могли, но никогда не были написаны» (27). Символом такой библиотеки будет Книга, которая есть не что иное, как «сумма точек зрения на книгу, сумма интерпретаций» (28).

Третьим вариантом является «библиотека реальных возможностей», состоящая из трех компонентов: «феномена человека» (библиотекарей и читателей), «феномена текстов» (текстов, преобразованных в цифровую форму – электронных фондов), и «феномена технологической реальности» (механизмов доступа к цифровым текстам и средств обеспечения сохранности электронных фондов), связанных по «принципу смыслового единства, позволяющего индексировать фонды по правилам общего синтаксиса, строить аппараты общих ссылок и т.п.» (29). Решающая роль в такой системе, в отличие от сходной по форме модели В. В. Скворцова, должна будет принадлежать не механизмам, а библиотекарям самой высшей квалификации, которые «увидят» это смысловое единство новой конструкции и облекут его «в форму, доступную пользователю» (30).

Подведем итоги. Несомненное достоинство модели В.П. Леонова состоит в том, что это пример корректного синтеза нескольких методологических языков – эпистемологии (главным образом в ее постпозитивистском варианте), герменевтики, искусствоведения. Это, несомненно, модель объяснительная, выводящая библиотеку из двух оснований (парадигм) – внешней по отношению к библиотеке проблематике теории познания и внутрибиблиотечной библиографоведческой теории, причем вторая находит в первой как свое подтверждение, так и убедительное объяснение. Сильная сторона концепции состоит еще и в том, что она чутко улавливает глубинный смысл реальных проблем, ощущаемых современными библиотеками – возрастающую потребность в создании и объединении метаданых («текстах о текстах», в терминах В. П. Леонова), облегчающих ориентирование в разросшихся объемах информации, а также необходимость повысить роль квалифицированных библиотекарей в интерпретации знаний. По сути, эта концепция – гимн библиотечной профессии, как ее понимает В. П. Леонов, всю жизнь, по его собственному признанию, считавший свое призвание библиографа «благороднейшим и самым осмысленным занятием» (31).

Однако несомненный плюс оборачивается и неким минусом: эта концепция выстраивает все отношения в библиотеке с точки зрения библиографоведения и его задач, а потому затрагивает лишь часть существующих проблем. В схему «познавательной» парадигмы не ложатся, к примеру, многие социальные функции, регулирующие отношения библиотекарь-читатель, осуществляемые не по линии «герменевтики», а по линии чисто человеческого общения. За рамками концепции находится проблема библиотечной этики, проблема рекреационных потребностей и многие другие вопросы, касающиеся читателя. Да и кто он, читатель «библиотеки реальных возможностей»? Самостоятельный субъект «процесса понимания», или все-таки некий объект воздействия со стороны всеведущего и гораздо более просвещенного библиографа, формирующего метаматрицу, которую читателю предстоит принять как готовый инструмент ориентации в мире смыслов?

На примере моделей В. В. Скворцова и В. П. Леонова мы видим, что характерными признаками объяснительных теорий является то, что они:

1) не исследуют объект в его целостности, а выделяют в нем лишь те свойства, которые наглядно иллюстрируют какие-либо процессы внешнего мира, отразившиеся в объекте (в случае теории В. В. Скворцова, одна из форм библиотеки – библиотека электронная – предстает как пример функционирования институтов технократического общества, основанного не на традиционном материальном производстве, а на индустрии информации; у В. П. Леонова библиотека символизирует развитие гносеологических процессов, характерных для современного общества, удачно проектируемых на широко понимаемую библиографическую деятельность);

2) склонны привлекать для своих объяснений не только общенаучные методы, но и методологию и терминологию иных наук, как смежных или сопряженных с библиотекведением, так и внеположных ему, которые неизбежно оказывают влияние на способ аргументации.

Для того чтобы теория, использующая «неродные» методы получила признание, необходимы:

1) проверка выдвинутых положений реальной практикой (дают ли эти модели нечто ценное для выявления закономерностей развития библиотек, способствуют ли обоснованию их жизненно важных функций);

2) наличие у теории объяснительной силы (последовательности и доказательности выдвигаемых постулатов);

3) осознание самим исследователем четких границ применения его концепции.

Со стороны же всех тех, кто эти теории оценивает, требуется понимание того, что зачастую наше неприятие новаторских идей может диктоваться стереотипами мышления, не позволяющими по достоинству оценить новые подходы. Ведь в мире не существует теорий, которые объясняют «все» и «раз и навсегда». Во всех теориях можно выявить как положительные черты, так и недостатки. Без возникновения новых теорий наука прекратила бы свое существование.

Примечания

1. *Косиков Г. К.* От структурализма к постструктурализму (проблемы методологии). – М. : Рудомино, 1998. – С. 51.
2. Там же, с. 49.
3. *Столяров Ю. Н.* Библиотека: структурно-функциональный подход. – М. : Книга, 1981. – 255 с.
4. Там же, с. 37.
5. *Земсков А. И., Шрайберг Я. Л.* Электронные библиотеки. – М. : Либерия, 2003. – С. 36-37.
6. *Столяров Ю. Н.* Указ. соч., с. 46.
7. Там же, с. 22.
8. *Столяров Ю. Н.* Развитие библиотечного фондоведения // Российское библиотековедение: XX век. Направления развития, проблемы, итоги. – М. : ФАИР-Пресс ; Пашков Дом, 2003. – С. 285.
9. *Скворцов В. В.* Концепции библиотеки в современном российском библиотековедении // Российское библиотековедение: XX век. Направления развития, проблемы и итоги. – М. : ФАИР-Пресс ; Пашков Дом, 2003. – С. 163.
10. Там же, с. 162.
11. Там же, с. 163.
12. Там же, с. 166.
13. Там же, с. 167.
14. Там же, с. 168.
15. *Bell D.* The coming of post-industrial society. Aventure in social forecasting. – N.Y. : Basic books, 1973. – 507 p.
16. *Toffler A.* The third wave. – N.Y. : Morrow, 1980. – 544 p.
17. *Леонов В.П.* Пространство библиотеки: Библиотечная симфония. – М. : Наука, 2003. – 123 с.
18. Там же, с. 19.
19. Там же.
20. Там же, с. 28.
21. *Рубакин Н.А.* Библиологическая психология. – М. : Академический проект ; Трикста, 2006. – С. 613.
22. *Леонов В.П.* Указ. соч., 51.
23. *Современная западная философия : словарь.* – 2 изд. – М. : ТОН ; Остожье, 1998. – С. 290.
24. *Леонов В.П.* Указ соч., с. 72.
25. Там же, с. 76.
26. Там же, с. 82.
27. Там же, с. 85.
28. Там же, с. 86.
29. Там же, с. 81.
30. Там же, с. 108.
31. Там же, с. 62.